

ЗАМЕТКИ К «БРАТЬЯМ КАРАМАЗОВЫМ» И «ДНЕВНИКУ ПИСАТЕЛЯ»

Публикация Е. Н. Конышиной

Публикуемые ниже черновые наброски к главе IV седьмой книги «Братьев Карамазовых» относятся к той же стадии работы писателя, которая представлена рукописями, находящимися в ИРЛИ и напечатанными в 1935 г. А. С. Долиным в сб. «Ф. М. Достоевский. Материалы и исследования». Продолжая работу над романом осенью 1880 г., после речи о Пушкине, Достоевский одновременно готовил к печати свой ответ критикам речи для нового выпуска «Дневника писателя». Характерно, что в этой короткой записи Достоевский особо отмечает «примирительный» пафос своего выступления на Пушкинском празднике: «Пришел с прощением всех увлечений и крайностей. (Это я усиленно подчеркиваю.)»

Печатается по автографу, хранящемуся в ЛБ.

А она собирается простить, она простить едет, это слышно, видно. Она не возьмет ножа. —

— Я ей одно только доброе слово сказал.

— Мне, может, еще и Митя нравится.

— А, может, и в тебя влюблена, Алеша, прав Ракитка.

«На смерть еду» — боялся, что у Грушеньки замысел. И у Грушеньки счастье.

Прячет горе в тихую умиленную радость.

А и сколько таких, как она, господи, за всех, за все — Кана Галилейская.

Ракитин ушел в переулоч.

Пока Ракитин о своей обиде будет думать, всегда уйдет в переулоч.

И матери Иисусовой — странно эта Кана.

Не горе, а радость людскую посетил Христос, в первый раз сотворяя чудо, радости помог. Кто любит человечество, тот радость его любит.

Без радости жить нельзя, — говорит Митя.

Так и надо.

(Чтение) что это такое? Господи, откуда же пир? Где это?

Да это пир.

И тихо, безгласно совершилось радостное первое <? > чудо —

К нему.

Знаю другое великое сердце другого великого существа, бывшего тут же, матери его, что не для милости и для тихой радости людей сошел сын ее, что не доступ<на><1нрзбр.> сердцу его безгрешная простодушная радость каких-то бедных нищих, может быть, людей, позвавших его на убогий брак свой: «Вина нет у них.» «Не пришел еще час мой», — отвечает он с тихой улыбкою, однако же пошел и сделал по просьбе ее. Прелестная повесть... Грушенька поехала — там, пожалуй, веселье, она не возьмет ножа. «На смерть еду!» Это так только крик.

— Секрет, какой такой это секрет?

- Знаешь, жест этот его, я знаю.
- Иван (Алеша стал серьезен).
- Нет, тут она, тут она, что хочешь, тут она!
- Все втроем против меня замышляют.
- Это она, это она. Это Катька!
- Ну, что он завтра будет говорить. Алеша, как это судят?
- Расскажи ты мне как? Кто судит — ведь это лакей, лакей убил, лакей! Господи, неужто же его за лакея осудят?
- Показания умножились.
- Приди рассказать.
- Сумасшедший он или нет?

(Письмо от поляков: ну вот опять!)

Ты говоришь: им пироги посылаешь.

Послать полякам пирогов.

— Глухой ты, Алеша, не то обидно, что ревнует, а обидно, коль не ревнует. Я такова, только меня-то он не любит. Он это нарочно. Потому он ее любит так <? > во мне вину <? > сыскать.

Под конец

Максимов — Нет-с, супруга меня очень ревновала.

— Тебя-то, да к кому тебя ревновать-то?

— К горничным девушкам-с.

— Да вот что, Алеша, что это он все такое говорит! Точно помешанный. Думаю, ну все у меня что-нибудь. (Ракитка слушает.) А потом и сомнение: да не с ума ли сошел?

— Знаешь: погубит она его на суде! Вот помяни мое слово, погубит. — Нет, она что-то готовит.

Настоящая.

— Секрет. Да сегодня сказал, ведь он добрый, только ты, Алеша, не говори, слышишь, не говори, когда пальцами начнет за висок себя тереть.

— А я и сказал, да нет <? > положишься <? >

— Это не то, это у них с Катериной Ивановной.

— Это они втроем что <-то > против меня положили подвести, научили. Зимой она хочет за ним в Сибирь ехать, сама говорит. Она, дескать, зимою в Сибирь поедет.

— Вы были у адвоката. Что такое аффект? Новое это слово, или старое? Я в восторге, таким образом вашего брата оправдают.

— Но не он убил.

— Нет, нет, пусть лучше он убил, это было бы лучше.

Аффект.

Григорий

— что у ней? и скажите мне.

— Тем более, что я так рассердилась, что и сама хотела ему отказать.

— Я должен к брату.

— Но нет, нет, это все не главное, постойте, что бишь самое-то главное.

— Но нежная, нежная зона все же нуждается, поэтому, сию
минуту сейчас — про всеобщее —

Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно

Умлету быду, ивсего деления сего, сию
каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно

No sly, gaitkot
Kam' v' s'om b'om
Kam' v' s'om b'om
Kam' v' s'om b'om
Kam' v' s'om b'om
Kam' v' s'om b'om
Kam' v' s'om b'om

Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно

Слова, ивсего
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно
Каждому человеку необходимо
взаимно и взаимно

ЧЕРНОВОЙ НАВРОСОК ДОСТОЕВСКОГО К РОМАНУ
«БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ», 1879

Лист 1

Библиотека СССР им. В. И. Ленина, Москва

— Как мне теперь поступить?

Икс или Хохлакова —

— У Лизы вздор, я вам доверяю Лизу, она ведь взяла назад свое обещание. Милая фантазия больной девочки, игрушки, Алексей Федорович.

Иван и Катя

Одни уходят в каторгу, другие женятся. И все это быстро, быстро, быстро и все меняется и ничего не вменяется. А тут вдруг старость, и все старики и смотрят в гроб. И все прощают друг другу. В этом жизнь. Это очень хорошо, Алексей Федорович (вздыхнула).

Но об Иване Федоровиче и об Кате потом. [Тут н] у меня тут свои ужасные наблюдения. Тут не только роман, тут сто романов. Катерина Ивановна пойдет за тем в каторгу, не любя его, а любя Ивана Федоровича. Иван Федорович поедет за ней и будет жить в соседнем городе и мучиться тоской. Тут десять поэм. Алексей Федорович. Но это все потом, потом. Я не знаю, что такое ~~Представьте~~ Представьте, она прибила служанку.

Пришел с прощением всех увлечений и крайностей.

(Это я усиленно подчеркиваю.)

Но не моя речь составила, таким образом, событие, а то, что славянофилы приняли вполне их главный вывод о законности наших стремлений в Европе.

ЛБ, ф. 93. I. 2.1/22.